

П. М. КОЛЬЦОВ

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

Москва

ВОСКРЕСЕНЬЕ

А

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

П. М. КОЛЬЦОВ

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

Москва
ГЖО «Воскресенье»
2005

А

УДК 930.26
ББК 63.4 (Рос. Калм)
К 626

Рецензенты: доктор исторических наук О.М. Давудов
доктор географических наук В.П. Чичагов

Научный редактор: доктор исторических наук А.Н. Сорокин

Кольцов П.М.

К626 Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. - Москва:
Изд-во ГЖО «Воскресенье», 2005. - 352 с.

Монография посвящена памятникам каменного века Северо-Западного Прикаспия. В ней рассматриваются вопросы хронологии и периодизации мезолита и неолита исследуемой территории, а также культурных связей. Дается обоснование выделения харбинской и джангарской археологических культур. Уделяется внимание взаимодействию человека и природной среды, реконструкции форм экономики местных мезонеолитических племен.

Книга рассчитана на археологов, этнографов и историков.

ISBN 5-93494-103-8

© П.М. Кольцов, 2005

© Калмыцкий госуниверситет, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Закономерности, определяющие зарождение инновационных процессов в истории человеческого общества, все более отчетливо проявляются в периоды исторических сдвигов, вызванные как социальными, так и природными факторами. На рубеже плейстоцена и голоцена в Европе происходит таяние ледника, общее потепление и увлажнение климата привело к смене относительно однородных перигляциальных ландшафтов на современные дифференцированные ландшафтные структуры, состоящие из двух основных зон – лесной и степной [Долуханов, Хотинский, 1974, с. 211]. Климатические изменения застали древних охотников на стадии, когда прогрессивное развитие орудий охоты позволило человеку сравнительно легко перейти к эксплуатации изменившихся ландшафтных зон [Массон, 1976, с. 32]. Рост производительных сил первобытного общества был связан с дальнейшим совершенствованием микролитической вкладышевой техники и распространением лука и стрел. В мезолите происходит становление высшей формы охотничьего хозяйства, экономической основой которой является индивидуальная охота с помощью лука на нестадных животных в современных ландшафтных зонах Европы, дополняемых собирательством и рыбной ловлей [Долуханов, Хотинский, 1974, с. 121].

Успешное ведение охотничье-собирательского хозяйства явилось причиной роста численности населения в позднем мезолите. Затем наступил момент, когда совершенствование методов охоты и повышение эффективности охотничьего инвентаря наряду с ростом населения истощили природные ресурсы. В мезолите наступает окончательный кризис охотничьего хозяйства, когда микролитическая техника исчерпала возможности совершенствования обработки камня, а биомасса природного окружения была подорвана. Первобытное общество оказалось перед необходимостью перехода к принципиально новому методу получения продуктов питания – производящему хозяйству.

В расцвете всякого явления зреют и развиваются силы, ведущие к его кризису. Так и в мезолите уже проявляются признаки упадка присваивающей экономики. Техника обработки камня исчерпала свои

А

возможности, первобытное общество стало нуждаться в новом материале для изготовления орудий труда. Такой материал вскоре был найден, им стала медь, затем бронза и, наконец, железо. Появление металлургии в свою очередь требовало разделение труда, которое могло быть лишь на базе производящего хозяйства.

В становлении новой экономики особая роль принадлежит керамической посуде, что было обусловлено увеличением растительной пищи в повседневном рационе человека. Вначале это были продукты собирательства, а затем земледелия. Кроме того, посуда использовалась при хранении продуктов питания, варке мяса и рыбы [Бибиков, 1979, с. 297-298].

Таким образом, на заключительных этапах каменного века – мезолите, неолите, а затем и энеолите – в жизни первобытного общества отмечается зарождение и становление новых тенденций и процессов, вызванных вначале изобретением лука и стрел, а затем становлением производящей экономики – земледелия, скотоводства и металлургии. В рамках названных выше археологических эпох происходят решающие в истории человеческого общества события – введение производящего хозяйства, которое обеспечило переход от дикости к варварству, а с дальнейшим развитием земледелия, скотоводства и металлургии, к цивилизациям древневосточного типа [Морган, 1934]. Внедрение новых – инновационных производств привели к социально-экономическим изменениям в структуре первобытного общества, стимулировали сложные этнические процессы, способствовали расширению мировоззрения, психологической устойчивости и т.д.

Ученые отмечают неравномерность в темпах исторического развития уже с мезолитического времени. В Евразии «пионерами» в области селекции растений и domestikации животных называют переднеазиатскую область и Юго-Восточную Азию. Переход к производящему хозяйству там произошел в конце мезолита, о чем свидетельствуют такие раннеземледельческие поселения, как Иерихон (докерамический неолит В), Хаджилар, Чейеню-тепе и др. В дальнейшем раннеземледельческие культуры типа Чатал-Хююк, Джармо, Али-Кош, Тепе-Гуран и др. продолжают развивать земледельческо-скотоводческое хозяйство, используя уже достижения неолитической эпохи [Braidwood, 1960; Мелларт, 1982; Массон, 1989].

В 6 тыс. до н.э. на территории Средней Азии развивается джейтунская раннеземледельческая культура. Для полива своих посевов население джейтунской культуры использовало естественный разлив воды во время половодий. Поэтому неслучайно они заселяют узкую полосу предгорной равнины между отрогами Копет-Дага и песками Каракумов, где весной в конусах выноса предгорных речек и ручьев скапливаются селёвые воды. Использование естественного орошения и целый ряд иных признаков позволяет отнести джейтунов к кругу раннеземледельческих культур Передней Азии [Массон, 1964; 1966].

Закавказье так же считают одним из очагов древнего производящего хозяйства. Для этого там существовали все природные предпосылки – наличие диких сородичей культурных злаков и домашних животных. Однако бесспорных материалов, указывающих на становление производящей экономики в регионе на ранних этапах неолита, нет. На памятниках Черноморского побережья Грузии костей животных не обнаружено, известны лишь разнообразные находки каменных орудий труда, свидетельствующие о возможном занятии местного неолитического населения земледелием (Ниженешиловская, Одиши, Кистрик, Анасеули 2 и др.). Прежде всего, это микролитические вкладыши для жатвенных ножей, зернотерки, ступы, а в некоторых случаях мотыжки сочи-адлерского типа. В Восточном Закавказье на поздних этапах неолита и в энеолите существовала земледельческо-скотоводческая шулавери-шомутепискская культура, которая при всей своей самобытности (разнообразие окультуренных злаков, присущие только ей) развивалась под влиянием переднеазиатских земледельческих культур [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 40-49; Шнирельман, 1980, с. 68-71].

Значительные изменения в неолите произошли и на юге России. В первую очередь они затронули Кавказ, а затем в этот процесс были вовлечены степные и лесостепные районы.

На территории горного Дагестана неолитическое население уже в первой половине 6 тыс. до н.э. культивировало производящее хозяйство. Об этом свидетельствуют материалы Чохского поселения, отражающие процесс вызревания неолитической культуры с производящей экономикой на местной мезолитической основе [Амирханов, 1987]. В 5 тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе расцвела раннеземле-

дельческая культура Гинчи, а к 3 тыс. до н.э. местные племена по уровню своего развития стояли на пороге образования раннеклассового общества древневосточного типа [Гаджиев, 1991].

В Крыму можно назвать известные уже неолитические памятники Таш-Аир, Кая-Арасы, Замиль-Коба 2 и др., где, наряду с дикими видами, обнаружены кости домашних животных (свиньи, коровы, овцы). В конце неолита количество домашних особей увеличивается, а наличие на поселениях зернотерок, пестов, мотыг и вкладышей от серпов свидетельствует о занятии населения предгорных районов земледелием [Крайнов, 1960; Формозов, 1962; Мацкевой, 1977].

Приведенный выше краткий обзор древних культур с производящей экономикой показал, что в ряде мест, благоприятных с точки зрения доместики диких растений и животных, на ранних этапах неолитической эпохи возникает земледелие и скотоводство, чтобы со временем занять главное место в экономике. Будучи первыми в области инновационных процессов, переднеазиатские раннеземледельческие культуры оказали значительное влияние на становление производящего хозяйства в Европе. Процесс вызревания новой экономики у первобытных племен северных регионов нашей страны был более длительным. Тем не менее, группы населения, проживающие за пределами древних очагов земледелия и скотоводства, не были пассивными членами человеческого сообщества. Они активно участвовали в общен историческом процессе, взаимодействуя между собой в самых различных формах и, прежде всего, в виде обмена продуктами жизнедеятельности.

Инновационные процессы в мезолите, неолите и энеолите, охватили не только южную степь, но также лесостепные, и отчасти лесные районы Евразии. Расширение контактов между племенами способствовало утверждению новых производств и взаимному обогащению рациональными знаниями.

Начиная с энеолитического времени, степные племена не только усвоили передовой опыт южных очагов, но и выработали новые формы хозяйства, соответствующие природным ресурсам степной зоны, особенно перспективным стало подвижное скотоводство. На ранних этапах энеолитической эпохи производящее хозяйство сочеталось с традиционными формами присваивающего – охотой, рыболовством

и собирательством. Внедрение новой экономики привело к образованию новых культур, систем связей, идеологических воззрений и верований. Этому в известной степени способствовало изобретение колеса и приручение лошади. Энеолитические племена степной и предгорной (Северный Кавказ и Крым) полосы Восточной Европы получили ту подвижность, которая позволила им распространить передовые – рациональные знания по всей Европе и за ее пределами. Целый ряд лингвистов и археологов идентифицируют с ними индоевропейские народы [Гамкрелидзе, Иванов, 1982; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983; Мерперт, 1974; Павленко, 2000; Сафронов, 1989 и др.]. Все это является отражением объективных законов исторического развития. Поэтому знания подлинных форм этносоциальных и хозяйственных образований конкретных регионов в прошлом могут быть полезными и сегодня.

В научном плане актуальность работы заключается в том, что впервые территория Северо-Западного Прикаспия представлена в таком хронологическом диапазоне. Это обстоятельство позволяет проследить процессы становления мезолитических и неолитических культур в регионе, определить преемственность между ними и природу новых явлений на стыках археологических эпох.

Актуальность изучения древностей североприкаспийского региона особенно возросла в связи с успешными работами на Кавказе, в Поволжье, Днепро-Донецком и Волго-Уральском регионах по проблемам мезолита, неолита и энеолита. Зачастую в поисках истоков тех или иных культурных инноваций в материальной культуре древних племен степи и лесостепи археологи обращаются к Северо-Западному Прикаспию. И это не случайно. Рассматриваемая нами территория расположена на юго-востоке Восточно-Европейской равнины и занимает часть Прикаспийской низменности от подножий Кавказа и до реки Волги. Выделенная зона в географическом плане условна и включает в себя Западную окраину Северного Прикаспия или Западный правобережный Прикаспий и Терско-Кумскую низменность (рис. 1).

Таким образом, указанный регион представляется контактной зоной между Кавказом и обширными степными и лесостепными территориями не только в географическом плане, но и в смысле аккумуляции и распространения передовых, для того времени, тех-

нологий и идей, которые зарождались на Кавказе и Ближнем Востоке. Занимая стратегическое положение на перекрестке трех культурно-исторических центров – Азии, Европы и Кавказа, Северо-Западный Прикаспий являлся своеобразным очагом культурогенеза, где на ранних этапах истории происходило взаимодействие населения

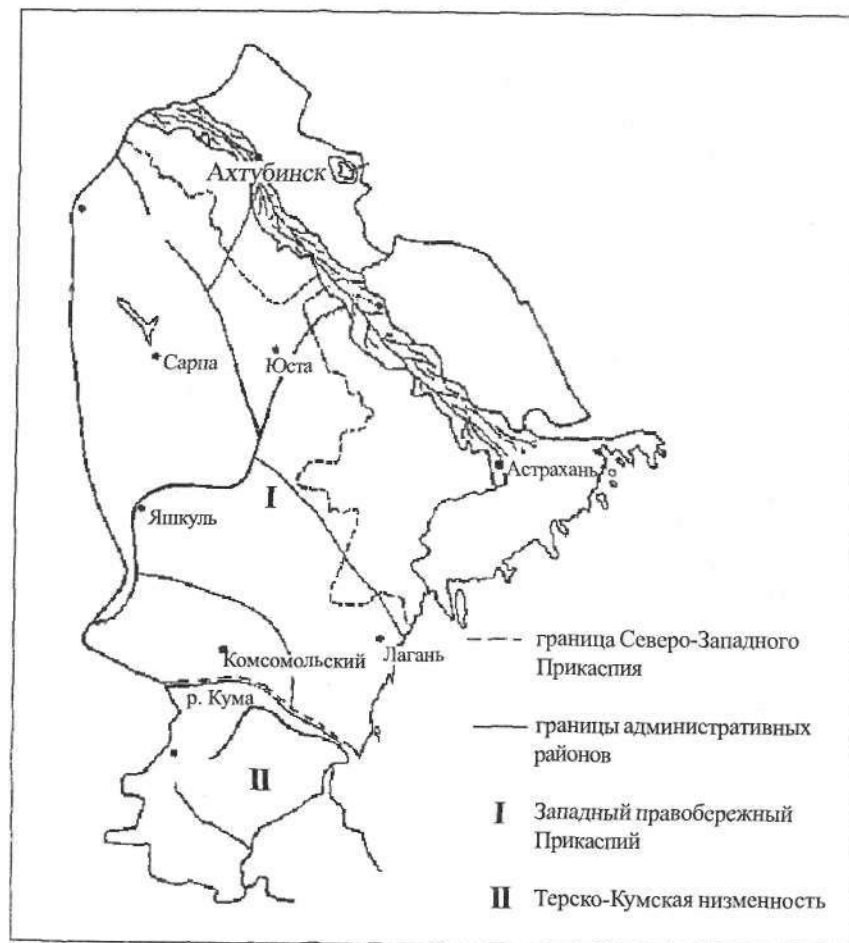

Рис. 1. Карта-схема природного районирования Северо-Западного Прикаспия.

древних культур, проживающих в разных экологических системах. Изучение археологического материала показало, что для каждой природно-климатической зоны, наряду с общеисторическими закономерностями, существуют и свои особенности. Это нашло отражение в становлении североприкаспийского мезолита и неолита, а также в развитии хозяйственно-культурного типа (ХКТ) охотников и собирателей с элементами производящего хозяйства зарождавшихся, по-видимому, в результате внутреннего развития общества. Следовательно, изучение мезонеолитических материалов Северо-Западного Прикаспия позволит установить характер контактов культурно-хозяйственных областей и воссоздать целостную картину исторического развития Европы в раннем голоцене.

Источниковедческой базой для написания монографии послужили материалы исследований автора, которые он вел в течение полевых сезонов 1976-1994, 2001-2004 гг. Это более 50 археологических памятников, среди которых 5 с непереотложенными культурными слоями (рис. 2). Кроме того, были привлечены коллекции находок прежних лет. Прежде всего, опубликованные материалы П.С. Рыкова и И. В. Сеницына (Басы, Зензели и др.), Е.И. Крупнова и Л.В. Греховой (Божиган, Ачикулак, Махмуд-Мектеб и др.), Т.М. Минасвой (Яста-Худук) и Н.Д. Праслова (Цыганица, Хара-Зуха и др.). Для сравнительного анализа изучались материалы сопредельных территорий, хранящиеся в фондах Института археологии РАН, Государственного исторического музея, Ленинградского отделения ИА РАН, Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, краеведческих музеев городов Астрахани, Нальчика, Ставрополя, Волгограда, Саратова и Ростова-на-Дону; кабинетов археологии Северо-Осетинского университета, Самарского, Оренбургского педагогических институтов и др.

О критериях выделения понятий «мезолит», «неолит», «археологическая культура» и «культурно-исторические общности» применительно к степному и полупустынному региону

Для решения вопросов культурно-исторического плана необходимо определить критерии выделения археологических эпох, в частно-

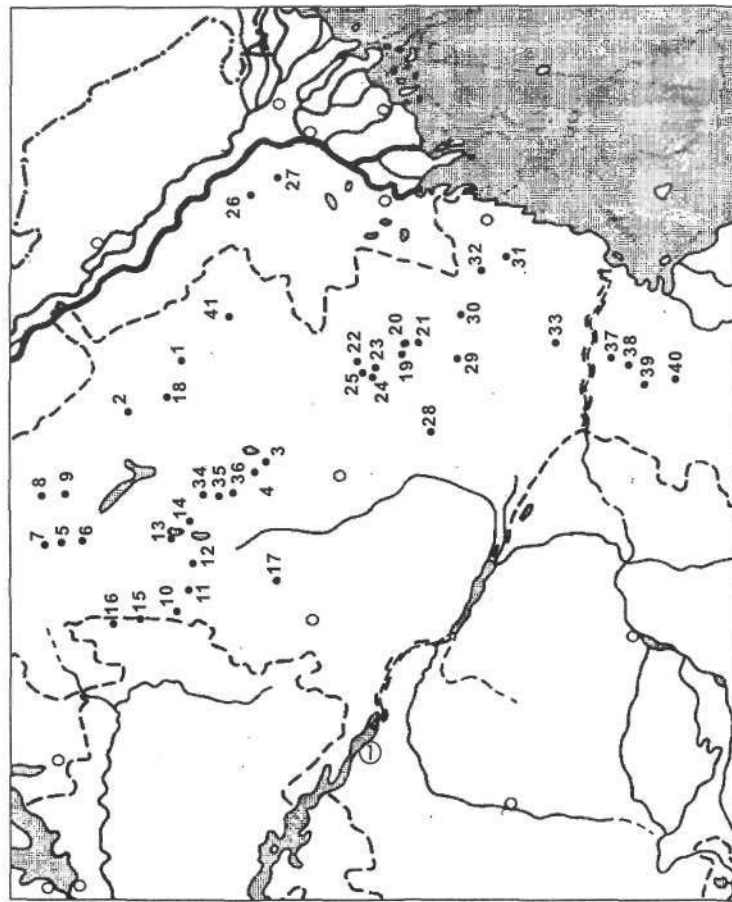
сти мезолита и неолита, а также установить степень единства памятников, объединяемых в археологические культуры и другие образования. До сих пор при определении ранга эпохи и ее технологического содержания в археологии нет единого мнения.

Мезолит как определенная ступень развития каменного века на территории нашей страны выделен в 1940-х гг. Хотя сам термин «мезолит» впервые упоминается в специальной литературе в 1928 году [Рудинский, 1928]. М.В. Воеводский обобщил весь имеющийся к тому времени археологический материал и выделил между палеолитом и неолитом определенный пласт памятников, отличных от остальных, и назвал их эппалеолитическими [Воеводский, 1934; 1940]. Появление мезолитической индустрии он объяснял крупными природно-климатическими и хозяйственными изменениями [Воеводский, 1950].

А.А. Формозов при выделении мезолита делает акцент на данные археологической типологии и только затем учитывает такие факторы, как изменения в природной среде, хозяйстве и социальном строе [Формозов, 1954; 1959; 1977].

В последующем, при выделении мезолитической эпохи, одни исследователи опирались на геологические показатели, а именно, начало голоцена, другие брали за основу археологические – изменение кремневого инвентаря, его микролитизация и формирование небольших подвижных охотничье-рыболовных коллективов.

Существующие разногласия привели к выводу о невозможности выработать в рамках значительных территорий, в частности, Европы, общие «универсальные» критерии выделения мезолита как эпохи. Так, например, Д.Я. Телегин считает, что при определении мезолита следует дать определение эпохе вообще, а затем выделить признаки, характерные для мезолитических культур или групп памятников конкретного региона. По его мнению, мезолит появляется на стыке плейстоцена – начала голоцена, это время значительного распространения микролитической техники, микролитов геометрических форм, наконечников на пластинах, появления в более южных районах Европы и Азии первых признаков перехода к производящим формам хозяйства. При этом Д.Я. Телегин замечает, что выделение конкретных мезолитических культур будет носить региональный характер [Телегин, 1977, с. 33].

- 1 – Харба; 2 – Джангар; 3 – Ту-Бузу-Худук; 4 – Ту-Бузу-Худук; 5 – Му-Кюкн 1; 6 – Му-Кюкн 2; 7 – Ар-Доланг; 8 – Заханата; 9 – Ханата; 10 – Яшкуль 1; 11 – Яшкуль 2; 12 – Яшкуль 3; 13 – Яшкуль 4; 14 – Яшкуль 5; 15 – Обильное; 16 – Воронцово балка; 17 – Цыганица; 18 – Гува 1; 19 – Молодежное 1; 20 – Молодежное 2; 21 – Молодежное 3; 22 – Улан-Тут 1; 23 – Улан-Тут 2; 24 – Улан-Тут 3; 25 – Улан-Тут 4; 26 – Басы; 27 – Зензели; 28 – Адык; 29 – Перышкино; 30 – Комсомольское; 31 – Артезиан; 32 – Мангы; 33 – Яста-Худук; 34 – Яшкуль 6; 35 – Яшкуль 7; 36 – Яшкуль 8; 37 – Ачикулак; 38 – Божиган; 39 – Турксад; 40 – Махмуд-Мектеб; 41 – Полюнное.

* На карте не отмечены пункты с единичными находками кремня и керамики.

Рис. 2. Карта-схема расположения мезо-неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия.

В последнее время при выделении мезолита используются такие принципы, как типологический, хронологический, исторический, геоморфологический и технологический. При этом трактовка содержания любой эпохи часто базируется на первичных технологических признаках. Есть мнение, что отмеченная тенденция и в дальнейшем будет определять общее направление в развитии теории археологии [Семенов, 1957; Коробкова, 1978; Гиря, 1997; Гиря, Нехоросhev, 1993; Гребенюков, 1990, с. 7].

В основе индустрии мезолита лежит качественно новая микролитическая техника. Правильные и тонкие ножевидные пластинки с определенной стандартизацией их морфологических параметров, получали техникой отжима [Семенов, 1957, с. 61, 62], о чем свидетельствуют конические и карандашевидные нуклеусы. Уменьшение размеров кремневых орудий было прогрессивной чертой эволюции каменной индустрии. С появлением микролитов связано и распространение свойственной мезолиту, а затем и неолиту вкладышевой техники. На протяжении мезолита шли постоянные поиски наиболее эффективного охотничьего орудия [Формозов, 1954]. Особое значение в это время приобретает лук со стрелами, развитие и совершенствование которого в разных экологических зонах зависело от ландшафтных условий и основных объектов охоты.

Таким образом, появление в мезолите качественно новых орудий труда и охоты происходит на фоне изменившейся в начале голоцена природной обстановки. Это привело к смене состава фауны, способам охоты на не стадные виды животных и переходу человеческих коллективов к кочевому образу жизни. Указанные явления (природно-климатические и технологические) действительно играли важную роль в становлении мезолитической эпохи и, следовательно, рассматриваются как неотъемлемые части единого исторического процесса. Хронологические рамки мезолита на европейской части России устанавливаются в пределах 10 тыс. до нашей эры (начало эпохи) – 7-6 тыс. до н.э. Конец эпохи связывается с появлением керамики [Формозов, 1959; 1977; Кольцов, 1989; Ошибкина, 1996].

С 6 тыс. до н.э. наступает последний период в системе каменного века – неолит. Для понимания специфики неолита как этапа в

системе археологической периодизации рассмотрим две точки зрения. Одни исследователи по праву считают внедрение производящего хозяйства важнейшей ступенью в истории первобытного общества. Неслучайно это событие английский археолог В. Г. Чайлд назвал «неолитической революцией» [Childe V.G., 1939; 1954; Чайлд, 1949, с. 33]. Одновременно с этим происходят широкие этнические процессы, что привело к постепенной консолидации неолитических племен в крупные культурно-исторические общности – фундамент дальнейшего развития всей человеческой культуры. Появление производящего хозяйства входит в содержание неолита как экономический базис, но не раскрывает его как археологическую эпоху. Вторая точка зрения, напротив, опирается на отличительные признаки каменных и костяных орудий и широкое распространение глиняной посуды [Коробкова и др., 1978, с. 103]. Особо обращают внимание на керамику, единственный глобальный и повсеместный признак. Ее появление считают рубежом новой – неолитической эпохи, которое привело к серьезным изменениям культурно-исторического плана [Гурина, 1978, с. 6].

Названные выше два определения неолита содержат информацию экономического и технологического характера. Следовательно, они представляют разные уровни исследования и не должны противопоставляться, поскольку, дополняя друг друга, составляют основное содержание эпохи.

В неолите человек накопил определенные рациональные знания, которые позволили ему совершить значительный скачок в социально-экономической и духовной сфере. Он совершенствует технику обработки камня (шлифование, сверление), изготавливает крупные рубящие орудия (топоры, тесла, долота и др.), внедряет новые технологии для производства не свойственных природе материалов – керамики и текстиля, переходит от присваивающего типа хозяйства (охоты, собирательства и рыболовства) к производящему – земледелию и скотоводству.

Для неолитического населения исследуемого региона характерно широкое использование в каменной индустрии пластинчатой техники, с широким набором микролитов. Причем определенная часть

кремневых изделий схожа с мезолитическим инвентарем. Однако четкий критерий для неолита Северо-Западного Прикаспия все же существует. В отличие от докерамических памятников каменного века северных областей типа Кунда, Алтыново и др., где есть ряд орудий неолитического типа – двусторонне обработанные стрелы, но нет керамики, североприкаспийский неолит ее имеет. Керамика во многом определяет культурную специфику местного неолита. Прежде всего, ее отличает примесь в тесте толченой раковины и накольчато-прочерченным орнамент.

Решая вопросы культурно-исторического плана, исследователи постоянно обращаются к таким понятиям, как археологическая культура, культурно-исторические области, общности, культурные провинции. Для мезолитических и неолитических памятников Северного Прикаспия исследователи выделяют различные культуры со своими культуроопределяющими признаками и территориальными рамками (А.Н. Мелентьев, П.М. Кольцов, И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, Е.В. Козин и др.). На отсутствие четких методических критериев выделения северокаспийского мезолита и неолита в тот или иной таксономический ранг обратил внимание Х.А. Амирханов [Амирханов, 1999, с. 7-10]. Он рассматривает североприкаспийский регион как относительно самостоятельный и специфический очаг развития мезо-энеолитических культур, выделяя три более или менее устанавливаемые измерения: археолого-культурный (основывается на специфике приемов вторичной отделки и морфологии каменного инвентаря), хронологический и территориальный. Для определения этого культурного единства ученый употребляет такие нейтральные понятия, как «культурный очаг» или «культурный ареал», говорить же о собственно археологическом или историческом статусе северокаспийского очага культуры считает преждевременным [Амирханов, 1990, с. 12, 13].

Мне представляется, что подобная ситуация могла сложиться в результате слабой источниковедческой базы и неоднозначного подхода к принципам культурного группирования памятников. В этой связи следует определить свое отношение к критериям группирования памятников по степени сходства в археологические культуры.

Понятие «археологическая культура» отражает сложное многоуровневое явление. Один уровень – классификационный, когда археологическая культура выделяется и определяется по результатам систематизации материала; другой уровень – признание археологической культуры отражением определенной исторической общности [Кудрявцев, 1985, с. 88].

Проблемы выделения и характеристики конкретных археологических культур, как группы памятников со сходным материалом построены на основе систематизации морфологических признаков, технологии первичной и вторичной обработки кремневых изделий [Амирханов, 1987]. Археологическая культура должна иметь культуроопределяющие признаки, определенную территорию распространения и хронологические рамки. Также предполагается существование нескольких территориально ограниченных памятников со сколько-нибудь значительным диапазоном времени их синхронного функционирования [Амирханов, 1987, с. 183].

Можно привести еще целый ряд определений понятия археологической культуры, но они не снимают проблемы выделения критерия степени единства памятников, объединяемых в указанное выше понятие. Рассмотрим только полярные из них. В одном случае об археологической культуре говорят лишь тогда, «когда выделяется целый регион с четко очерченными границами, охватывающий группу стоянок с инвентарем сходного облика» [Формозов, 1977, с. 29]. В другом – допускается выделение археологической культуры даже при наличии одного раскопанного памятника со своеобразным материалом, т. е. в данном случае допускается научное прогнозирование [Синюк, 1986, с. 11].

В настоящей работе мы придерживаемся традиционного подхода к выделению археологической культуры, при котором предполагается единство археологических памятников, ограниченных во времени, пространстве и обладающих культуроопределяющими признаками. За такими археологическими культурами стоят конкретные общности людей.

Помимо культур, в научный оборот введены и другие более широкие понятия, как культурные области или общности и провинции. В

определении и этих понятий нет единого мнения. Так, например, А. А. Формозов под культурными областями понимает широкое объединение родственных в этническом отношении племен, среди которых могли выделяться отдельные языки [Формозов, 1959, с. 25].

Для Н. Я. Мерперта культурно-историческая область, или общность, (для исследователя это равнозначные понятия) является результатом длительного взаимодействия различных культур и различных племенных групп, которые на определенном этапе объединяются в сложные образования. Причем большая роль в указанном процессе отводится единой генетической подоснове [Мерперт, 1974, с. 12-13].

Сопоставляя все сказанное о крупных археологических объединениях, можно отметить, что исследователи вкладывают в одну и ту же терминологию разный смысл. В этой связи особый интерес представляет попытка А. Д. Пряхина подойти к ней дифференцированно [Пряхин, 1982, с. 4]. Под культурными общностями им подразумеваются объединения родственных этносов, а под культурными областями – объединения, не предполагавшие обязательного этнического родства внутри образующей группы. Подобное решение вопроса уже нашло своих сторонников [Васильев и др., 1985, с. 8] и является, на наш взгляд, наиболее приемлемым.

Для североприкаспийского региона с его степным, полупустынным и пустынным ландшафтом, мезолит и неолит, наряду с перечисленными выше общепринятыми признаками, имеет свою специфику. Прежде всего, это выражается в развянном характере большинства памятников каменного века. По степени сохранности культурного слоя они могут быть условно разделены на типы как по природно-климатическим зонам: степная, полупустынная и пустынная, так и внутри этих зон. В научной литературе известен опыт обобщения археологического материала с разванных стоянок пустыни и полупустыни [Формозов, 1959, с. 85-87; Виноградов, 1968, с. 15-24].

Географическая среда – природные условия и их эволюция традиционно входят в круг научных интересов историка-археолога, занимающегося изучением памятников истории и материальной культуры определенной территории. Результаты многочисленных археологических исследований убедительно свидетельствуют о том, что процесс расселения первобытных людей на ранних этапах его развития существенно зависел от природных условий того или иного региона. Поэтому знания о природной среде, географических особенностях территории и арене, на которой формируется рельеф и геоморфология края важны исследователю как для перспектив поиска мест обитания в ней древнего человека, так и для решения вопросов его хозяйственной деятельности.

В первой половине современной геологической эпохи – голоцене, на юге европейской части России, происходят значительные палеоэкологические события. Около 12 тысяч лет назад в процессе чередования и под сильным влиянием многочисленных трансгрессий (поднятие уровня моря) и регрессий (понижения уровня) Каспийского моря сформировалась Прикаспийская низменность одна из самых молодых равнинных аридных областей юга Европейской России (рис. 3; 4). Ее палеогеографические условия существенно эволюционировали на протяжении всего голоцена. В настоящее время она представляет собой в целом более или менее плоскую равнину с отдельными участками, рельеф которых сильно различается, что связано с геологическим возрастом этих участков.

По различиям в структурно-геологических, орографических и природных условиях на территории Северо-Запада Прикаспийской низменности-равнины выделяются три крупных района: 1. Западная, правобережная часть долины Нижней Волги; 2. Долина Маныча и 3. Терско-Кумская низменность. Каждый из этих районов, в силу указанных выше причин, имеет своеобразные черты. Показать это своеобразие стало возможным благодаря работам целого ряда авторов по геоморфологии и природному районированию Прикас-